

СЕРГЕЙ САМАРОВ

НЕПОЗНАННОЕ

РЕЗЕРВАЦИЯ РАЗУМА



Бушков. Непознанное

Сергей Самаров
Резервация разума

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Резервация разума / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (Бушков.
Непознанное)

ISBN 978-5-699-95566-4

В горах Северного Кавказа внезапно проявили себя ранее никому не известные аномальные силы. Район, охваченный немотивированной, не поддающейся осмыслению агрессией, был условно назван Зоной отчуждения. В эту Зону срочно отправлен спецназ ГРУ. Однако бойцы, способные нейтрализовать практически любого противника, вдруг потеряли инициативу. Необыкновенные возможности противника выбили из рук спецназа все его козыри. И тогда стало ясно: победить врага можно, лишь научившись мыслить, как мыслит он...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95566-4

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Резервация разума

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

На этот раз взвод спецназа ГРУ под командованием Владимира Александровича Троицы даже не успел покинуть Резервацию. Его отряд, также включавший в себя бойцов отдельной мобильной офицерской группы «Зверинец», получил новое задание. Причем одно и то же задание было получено сразу из двух источников: от непосредственного командования ГРУ и от тех существ, которые совсем еще недавно считались врагами и инопланетными пришельцами, но неожиданно стали друзьями и союзниками.

Задание предназначалось для людей. Спецназ выступал предположительно против другого спецназа и должен был противостоять обученным горному делу специалистам. Как-то спецназ ГРУ справится с этой задачей?

Пролог

Утро пришло, как обычно, вовремя. Наверное, подумалось мне, земля продолжает вращаться в привычную сторону. Хотя я не удивился бы, если бы она начала вращаться в другую сторону. Теперь меня сложно было чем-то вообще удивить. Мне даже скучно от этого понижения стало. Но утро все же пришло... Иногда меня, признаюсь, раздражает, когда рассвет приходит или слишком рано, или слишком поздно. Это бывает, когда рассвет так или иначе мешает завершить начатое дело. Но в этот раз все пришло в нужное время.

Завтракать взвод вместе с бойцами «Зверинца» сел еще в темноте, а закончился завтрак уже ярким солнечным утром. И вовсе не потому, что в спецназе служат сплошь одни гурманы. При наших обычных нагрузках от еды у нас никто не отказывается, чтобы всегда вовремя пополнить запасы израсходованной накануне энергии, но засиживаться за застольем тоже никто привычки не имеет. Просто восход в горах приходит сразу и резко. За пару минут солнце успеваешь выкатиться из-за хребта и осветить ущелье.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали семь сорок семь. Даже поздновато для начала дня, если исходить из обычных наших спецназовских будней. Впрочем, в боевой обстановке занятия с солдатами обычно не проводятся, и потому на привычки, выработанные в будни в расположении батальона, можно внимания не обращать. Да и спать все легли поздно. Едва уложились в положенный норматив сна.

Из всех нас поспать не удалось только нашему командиру майору Медведю. Он вылетал на скутере в зону устойчивой связи, а как только вернулся, сразу разбудил меня. На это мероприятие у майора ушло чуть больше четырех часов. Я, естественно, разбудил солдат своего взвода, сразу загрузив их легкой разминочной работой – приказал убрать с обмундирования все знаки различия. Другим офицерам своей группы майор Медведь приказал сделать то же самое. Мера эта была вынужденная, поскольку нам предстояло пересечь государственную границу, чтобы встретиться со спецназом американских горных егерей. И вполне возможно, что встреча эта не сможет пройти мирно. И даже документы свои мы вынуждены будем оставить на сохранение паукам во главе с их адмиралом Гжнаном, сыном Амороссэ.

Сразу после завтрака, пока солдаты закапывали в каменистую землю ущелья пакеты от сухого пайка, я обратился к адмиралу с просьбой разрешить нескольким моим солдатам слезть на скутерах на место, где их захватили, и забрать там свое оружие и свои рюкзаки, в которых остался сухой паек. Запасов в каждом рюкзаке должно было хватить на все три дня, что отводились нам на операцию.

– Да, у нас с вами разная пища... – согласился Гжнан, сын Амороссэ, – и твои солдаты не будут есть то, что едят ктархи, как ктархам неприятна ваша пища. Объясни им, как создать скутер и как летать на нем. Шлемы есть у всех.

– Еще прикажи вернуть солдатам то оружие, что отобрали у них при захвате. Я видел, им вооружились люди эмира Арсамакова, но сейчас им это оружие ни к чему. Оно сразу было им ни к чему, они не умели использовать его преимущество, поскольку не сняли с пояса солдат аккумуляторы. А все прицелы на нашем оружии работают только от этих аккумуляторов.

– Да, я распоряджусь, – согласился адмирал. – Сколько времени займет полет за рюкзаками? Ночью майор летал очень долго...

– Солдатам не придется ждать ответа командующего. Я так понимаю, что майора Медведя задержало именно это ожидание. Если солдаты полетят на предельной скорости, они обернутся за полчаса. Самое большое, за сорок минут.

– Пределов скорости у скутера не бывает. Ты, кстати, ночью посылал на то же самое место только один скутер. Он справился за минуту, и, насколько я обладаю информацией, боль-

шую часть времени скутер потратил на выбор нужного рюкзака. Может, и сейчас сделать то же самое? Человеческий организм не в состоянии выдержать такую скорость. А скутер может.

– Я думал об этом, – честно признался я. – Но я вытащил из оставленного оружия затворы и спрятал их под камень. Там много камней. Скутеру трудно будет искать их.

– Скутер будет держать связь с твоим шлемом и найдет нужный камень.

– А как он камень перевернет? У него же нет рук.

– У него нет рук, – согласился адмирал. – А как он вчера принес тебе мины? Как обычно, он просто телепортирует то, что найдет.

– А может он телепортировать оружие и рюкзаки отсюда? Как телепортировал майора Медведя. Человека, я думаю, телепортировать сложнее.

– Вчера разрешение на это дал Стржнан, сын Коломоссэ. Он, как начальник экспедиции, наделен таким правом. Я здесь такого права не имею. Телепортация многих предметов на большое расстояние – это громадные затраты энергии. Боюсь, после вчерашнего энергетическая установка еще не смогла полностью восстановиться. Телепортация всегда зависит напрямую от расстояния. Попробовать можно, но намного проще использовать скутер. Выигрыш во времени будет незначительным.

– Хорошо, – согласился я. – Я схожу к своему скутеру и попробую с ним договориться.

– Ты можешь договориться с ним, не сходя с места. Просто через шлем...

* * *

Я все никак не мог привыкнуть к своим новым возможностям. Всю предыдущую жизнь прожил без этих возможностей, а тут – сразу... Непривычно...

Но ими просто следовало пользоваться чаще, чтобы привыкнуть. Потому что они превосходили все, чтобы было доступно раньше. Раньше все достигалось большим трудом после тяжелейших занятий. Теперь это было проще. Следовало только сконцентрироваться на какой-то мысли. А иногда даже концентрироваться не приходилось, потому что шлем все мысли читал и все делал сам еще до того, как я успевал мысль сформулировать. Я поправил на голове шлем, снова пару секунд формулировал в голове командную фразу, стараясь сделать ее доходчивее и яснее, а когда сформулировал, увидел, как в грот входит старший сержант Камнеломов, почему-то отказавшийся от разговоров по внутренней связи и решивший обратиться ко мне лично, хотя отлично умел включать коммуникатор «Стрелец» на индивидуальный разговор хоть с командиром, хоть с кем-то из бойцов взвода.

– Товарищ старший лейтенант, там скутер прилетел, принес оставленные на стоянке рюкзаки солдат и оружие. Я всякую самостоятельность запретил. К ним никто без вашего разрешения не притронется.

Камнеломов повел себя правильно, выполняя мои недавние приказания, и хотя сейчас обстановка изменилась, я все же считал, что нажать себе неприятности за счет любопытства можно было запросто. Старший сержант не знал моих намерений относительно солдатского имущества и вооружения. Я же только удивился оперативному их выполнению.

Я посмотрел на адмирала. Но ожидаемой довольной улыбки не увидел. И хорошо, что не увидел, потому что улыбка ктархов показывает их острые и многочисленные клиновидные, как у акулы, зубы, а у меня от этого вида дрожь по телу пробегает. Не от страха, а только от игры воображения. Со страхом я бороться умею. Не веря, что есть люди, не ведающие страха, я просто в себе побеждаю его силой воли. А вот с игрой воображения бороться бессмысленно и бесполезно. Я только однажды представил себе, как моя рука попадает между этими челюстями, и уже не могу побороть холодок, который пробегает по коже.

– Шлем прочитал твои мысли раньше, чем ты фразу подготовил. – Адмирал Гжнан, сын Амороссэ, откровенно не говорил, что и он сам мои мысли читает, тем не менее я еще раз убедился, что это именно так. Потому, наверное, он и не улыбался.

– А тебя самого, Гжнан, сын Амороссэ, тоже шлем научил читать чужие мысли? – Я спрашивал, голосом изо всех сил высказывая претензию, но ктарх претензию, видимо, не уловил или просто не принял и стал объяснять:

– Я же тебе говорил, что ктархи легко обучаются всему. – Он ничуть не смутился моим тоном. – Всем нам в голову в самом раннем детстве трансплантируется мягкий квантовый компьютер, который развивается вместе с нами, обретает новые знания и умения. Он не сам по себе существует, выдавая все готовое, как шлем, он заставляет нас трудиться на свое развитие и пытается сравнить ктархов со шлемом, что возможно только в идеале, но ни разу еще не удалось в реальности. По крайней мере, отдельные мысли других ктархов нам читать удается. Теперь, оказывается, получается и мысли отдельных людей читать. Это не всегда получается как между ктархами, так и между людьми. Необходима какая-то невидимая связь, я бы назвал ее мягко – симпатией, дружелюбием, причем это чувство должно быть обоюдным. Вот мне удается читать отдельные твои мысли, и я делаю вывод, что ты хорошо ко мне относишься. С тем же эмиром Арсамаковым у меня это никак не получалось. И не только у меня, ни у кого из здешних ктархов не получалось. Но я твои мысли прочитал. Ты хочешь быстрее начать сборы и не хочешь долгих разговоров, хотя у тебя есть какой-то вопрос, который я прочитать не могу. Должно быть, ты чем-то недоволен.

– Про желание быстрее заняться делами ты понял меня правильно, адмирал, – ответил я не слишком весело. А как иначе отвечать, когда это существо твои мысли читает – кому это понравится! – И вопрос мой ощутил тоже правильно. А сам вопрос вот какой. Я сформулирую его словесно. Помимо наших солдат и офицеров, ктархи похищали нескольких людей. Из местных жителей и даже солдата-пограничника. Где эти похищенные люди?

– Я слышал про такие обвинения. И могу тебе ответить прямо, что ни одного действительного похищения не было. Ктархи, случалось, встречались с местными жителями. И в целях своей безопасности вынуждены были пойти на контакт. Эти люди подвергались воздействию на память, которая выборочно была стерта, и отправлялись по их желанию в любой регион вашей большой страны на выбор. Мы обеспечивали этих людей средствами к существованию. И это была добровольная акция.

– И память стиралась добровольно?

– Взамен стертых эпизодов мы записывали другие. Такие, что доставляли людям приятные минуты воспоминаний. Но у нас нет ни одного пленника. Держать пленников – это против морали ктархов. Наши законы запрещают это даже в нашем мире. Конечно, и в нашем мире бывают преступники. Но им делается лоботомия, то есть прямое воздействие на мозг и память, чтобы исправить их поведение. Никто из них не подвергается лишению свободы.

– Хорошо. А куда делся солдат-пограничник?

– Он сам вышел на нашу базу. Он просто сбежал со службы вместе с оружием и вышел к нам. Мы отобрали у него оружие, стерли из памяти ключевые моменты встречи и отправили его домой, к родителям, куда он и стремился.

– То есть он дезертировал со службы?

– Да, у вас это так называется. Это у нас служба может быть только добровольной, когда ктарх желает быть полезным обществу. У вас иначе...

– Я понял тебя, адмирал. Мне кажется, и я начинаю читать твои мысли, хотя мне никто и никогда не вживлял в голову мягкий квантовый компьютер. Я тоже, оказывается, могу чему-то научиться. Только скажи мне честно, я правильно прочитал или это мне подумалось. Во время разговора со мной ты подумал о том, что тебе тоже пора заняться делом и отослать кого-то из ктархов на дезактивацию электронного барьера. Так?

– Так, – согласился адмирал Гжнан, сын Амороссэ. – Признаюсь, меня это радует. Это говорит о твоём добром отношении ко мне. Не совсем точно ты прочитал, не дословно, но мы же мыслим, как и люди, только образами. А образ не всегда укладывается в слова. Но и такая связь приятна. Без взаимного доброго отношения между нами не смогла бы установиться такая связь. Но, если у тебя в голове нет квантового компьютера, как можешь ты читать мои мысли?

– Хотя я и человек, с анатомией человека я знаком плохо. И даже не могу предположить, что собой представляет ваш квантовый компьютер...

– Твой шлем подсказывает мне, что у людей есть в голове врожденный квантовый компьютер. Так шлем вас «прочитал». Наверное, это здорово – иметь такой дар от природы. Но я пока не готов разговаривать с тобой на такие темы по своей малой информированности, да и по твоей тоже. Да и делами пора заниматься и мне, и тебе. И потому не буду тебя дольше задерживать.

С этим трудно было не согласиться. Тем более у меня в голове появилась, как мне показалось, достаточно неплохая мысль, которой следовало поделиться с майором Медведем...

Глава первая

Я вышел из пещеры. Старший сержант Камнеломов, что пришел с докладом, вышел вслед за мной. Адмиралу ктархов, чтобы отдать распоряжения, выходить, наверное, не требовалось. Как я заметил перед тем, как покинуть грот со светящимся песочным полом, Гжнан, сын Амороссэ, распластался на своем камне, как и раньше. Это, наверное, была самая удобная для ктарха поза, хотя они умели, как я видел раньше, стоять на всех восьми лапах, стоять на двух задних лапах, как два ктарха при входе в пещеру стояли накануне, умели они быстро бегать и ловко прыгать. Не могу знать, надолго ли хватало их физических сил. Мне, по крайней мере, казалось, что ненадолго. Адмирал от длительного стояния на камне быстро уставал и распластался на брюхе. Но я не мог определить его возраст и вполне допускал, что он уже стар.

В ущелье стояло изумительное по красоте и чистоте утро. В такое утро даже об оружии думать не хочется, не то что о боевых действиях. Тем не менее несколько раз вдохнув полные легкие чистого воздуха, я спустился к своему взводу и кивнул на сложенные в кучу рюкзаки и лежащее на них оружие:

– Разбирайте свое...

Сам я положил в общую кучу «РПГ-29» «Вампир» и пристроил сбоку рюкзак с одной-единственной оставшейся там гранатой. Винтовка с оптическим прицелом была уже в руках у ефрейтора Валентина Ассонова, который сейчас меньше всего походил на ефрейтора и вообще поверх своего бронежилета из комплекта «Ратник» для маскировки надел камуфлированную выгоревшую на солнце чужую куртку с каплями крови на груди. Капли эти стекли, видимо, с головы убитого до того, как он упал лицом вниз, и потому смотрелись строго выверенной вертикальной линией. Но крови было немного, и заметить ее мог только опытный офицерский глаз. Ассонов не застегнул куртку, отчего вид у него был как у стандартного армейского разгильдяя. Но, памятуя полученный от меня же приказ, я не возразил и даже замечания ефрейтору без погон не сделал. Он лучше других понял и применил правила маскировки. Только шлем ефрейтор почему-то носил не на голове, а в руке.

– Шлем... – напомнил я. – Надень...

– Мне в нем неудобно, товарищ старший лейтенант... Я вообще-то ношу его, но часто снимаю, а то голова устает.

В принципе это было его дело. Шлем не был предметом формы солдата. И я не имел права настаивать.

Майор Медведь подошел ближе.

– Власаныч, – обратился он ко мне, – собери у своих солдат документы. Я передам их на хранение адмиралу.

Медведь был сердит и сосредоточен. Наверное, таким же показался ему и я.

– Что такой смурной?

– Думаю вот, что без разведки нам туда выдвигаться рискованно.

– И ты то же самое...

– А кто еще?

– Я!

– Тогда, товарищ майор, давайте подумаем, как разведку организовать.

– Кто пойдет? Капитан Волков уже просится.

– Я тоже прошусь...

– У тебя под командованием солдаты. Это аргумент Волкова...

– С ними справится Камнеломов. Не впервой ему взводом командовать. А у меня все же больше опыт работы в Резервации, чем у капитана. А это, на мой взгляд, важно.

– С таким аргументом сложно не согласиться... Поговорю с Волковым. Думаю, он правильно поймет.

Я сначала услышал звук свистящего воздуха, а потом заметил, что с базы вылетело два скутера. Один в южную сторону, другой в северную. Причем мне показалось, что скутеры были беспилотными. Куда машины должны быть направлены, мне адмирал недавно сообщил. Будут убирать кристаллическую грядку с двух сторон. Так я понял. И в наушниках шлема услышал раскатистый голос адмирала, слегка приглушенный электроникой до удобного уху уровня:

– Правильно понял. С двух сторон мы уже убрали полностью. Осталось еще две стороны...

– Отсюда связь с южной стороной тоже нарушена? – промыслил я.

– Работает только через шлемы. Но тоже постоянно прерывается. Особенно на расстоянии.

– Значит, с пограничниками мы связаться пока не можем?

– У них же шлемов нет...

– Понятно. А работу выполняют скутеры без ктархов? – пожелал я еще раз удостовериться в своей наблюдательности.

– Конечно. Там же выжигается не только основа, но и эфирные помехи. Это вещество опасно для жизни ктархов. Кстати, и для жизни человека тоже. Полетите в сторону своей границы, не приближайтесь к экрану стерехов. По крайней мере, сразу. Через час можно. За час весь яд выветрится. Постарайтесь выдерживать дистанцию хотя бы в десять шагов. Этого бывает достаточно для безопасности. Или поверху пролетайте на той же дистанции. И даже вдвое выше. Пары раствора устремляются кверху.

Я вспомнил, что мы намеревались подойти к уничтоженной скутером гряде, но определенные события помешали нам. Адмирал мои мысли услышал. И ответил довольным голосом:

– Значит, напав на вас, мы спасли ваших солдат... Благое дело...

Меня убивала его логика! Она была похожа на камень, упавший с неба на голову тогда, когда ты собирался перейти дорогу с напряженным автомобильным движением. Хорошо еще, что шлемы ктархов были, видимо, крепкими, и удар держали не хуже шлема от «Ратника». Нападение на солдат перевернуть так, чтобы оно стало благом! Но говорил адмирал Гжнан, сын Амороссэ, вполне серьезно. Видимо, система логических построений ктархов и людей все же отличается существенно. Наверное, ктарх посчитал благом и свое содействие солдату-пограничнику в дезертирстве. Так мне показалось сразу, а теперь я был в этом уверен. Наверное, благом он считал и стирание кусков человеческой памяти...

Размышляя об этом, я опять забыл, что адмирал читает мои мысли. А закрывать их я еще не научился. Но он сразу же мою оплошность, что называется, «обналичил»:

– Конечно, мы считаем это благим делом. А как может быть иначе! Мы избавили человека от нелюбимого дела – службы. Ты со мной не согласен, старлей Троица?

– Не согласен, адмирал. Категорически не согласен.

Наверное, я произнес свою последнюю мысль вслух слишком громко, потому что майор Медведь обернулся и посмотрел на меня с удивлением. Но удивление с лица майора сошло быстро. Он просто вспомнил о возможностях шлема, сам себе кивнул и двинулся к капитану Волкову и старшему лейтенанту Лисину. С ними Медведь до этого склонялся над картой, расстеленной на камне, за которым я ночью прятался от взрыва светошумовой мины.

– У каждого из нас собственное восприятие окружающего мира, и наши восприятия совсем не обязательно должны быть схожими, – сделал вывод Гжнан, сын Амороссэ, так, словно разрешал мне думать так, как я привык. Но он при этом разрешал и себе оставаться при собственном мнении. И за это хотелось быть адмиралу благодарным...

* * *

– Камнеломов!

– Я!

– Я предполагаю в разведку отправиться. В одиночестве. Во взводе остаешься за старшего. Если возникнут проблемы, я всегда на связи. Обращайся или ко мне, или к майору Медведю.

– Понял, товарищ старший лейтенант. Не переживайте. Справлюсь.

Я подошел к офицерам.

Капитан Волков посмотрел на меня коротким, но чуть ли не ненавидящим взглядом. Впрочем, он всегда и на всех смотрел так, и мне не хотелось связывать его взгляд с тем, что я отнял у него «конфетку» – пожелал отправиться в разведку вместо него. Слишком мало сладости было в этой «конфетке», и даже пробовать ее на вкус было опасно, хотя, признаюсь, и отметить удачным завершением действия – было бы престижно. Мне, например, это грозило вскорости стать капитаном, и даже раньше положенного по сроку времени, а капитану Волкову, соответственно, светило, видимо, получение майорской звездочки. Но он, судя по возрасту, и так вскорости должен был ее получить. Впрочем, после работы со шлемом ктархов лицо капитана Волкова сильно изменилось, и сейчас трудно было определить его возраст. Но я видел его и раньше, еще когда он работал с картой в штабной машине полковника Мочилова, где я получал инструктаж перед вторым посещением Резервации. И лицо запомнил. И возраст определил тогда же. Думаю, сейчас Волков не сильно постарел внутренне, как и я, хотя внешне изменился существенно. Тоже, как я. Но это все, как любит говорить наш комбат, «издержки производства».

– Значит, Троица, задача перед тобой стоит следующая... – начал майор Медведь и коротко глянул на капитана Волкова, который по-прежнему смотрел на меня волком. На самого майора тоже, кстати, смотрел точно так же. Интересно, как он на собственную жену смотрит? – Первая твоя задача – навестить погранотряд, узнать у них все новости, а они быть должны, поскольку наша сторона границы проходит по верхней части склона господствующей над местностью высоты или горы, как она у них там называется. И оттуда просматривается все впереди в доступных для бинокля и любого другого прибора для наблюдения перспективах. А впереди лежит долина с небольшой деревней вдали, на склоне другой горы, находящейся уже в Грузии. Однако деревня эта не имеет населения даже летом. Все уехали. В Грузии проводилась какая-то особая программа по переселению жителей горных районов Тушети в другие, более доступные места. В отдельные деревни летом народ возвращается, а на зиму снова уезжает. Но в эту деревню, повторяю, никто даже летом не навещается. Уже крыши домов проваливаются. Только три сторожевые башни со средневековья высятся. Если там, в деревне, кто-то появился, пограничники сразу это отметят. У них пост наблюдения там постоянный. Правда, долина круто поворачивает, и половина селения прикрыта другой горой. И та гора уже на другой стороне – в Грузии. И что за поворотом, никто не видит. Где-то там, за поворотом, и грузинский погранотряд расположен, если по карте судить. Твоя задача – после общения с пограничниками заглянуть за поворот, разведать обстановку. Если будет возможность, найти и осмотреть место падения скутера с ктархом. Но, если возможности не будет, на рожон не лезь. Давай без самостоятельности обойдемся. Потом жди нас. Мы будем выдвигаться к тебе ближе и станем ждать сигнала рядом с границей. Связь по важным вопросам не через шлем ктархов – мы не знаем, кто натянет на свою голову пропавший шлем и что сумеет услышать, а через коммуникатор. Так надежнее, я надеюсь. По крайней мере, канал связи кодированный. Впрочем, мой шлем подсказывает мне, что твой шлем почувствует, когда где-то объявится

шлем пропавший. И будет даже в состоянии блокировать его возможность слушать. У тебя же сильный командирский шлем. Значит, можем общаться и так.

– Задачу понял, товарищ майор. Разрешите приступать?

– Гони... – разрешил Медведь. – Про осторожность я тебя даже предупреждать не буду, хотя меня командующий десять раз лично предупредил. Он почему-то был уверен, что в разведку я именно тебя отправлю. Наверное, потому, что ты в Резервации – старожил...

* * *

Я с помощью шлема вызвал к себе свой скутер. Не торопил его особо, не заставлял телепортироваться, хотя, наверное, с помощью своего командирского шлема и мог бы к такому способу прибегнуть. Просто попросил его прилететь. И, пока он летел, я уже трансформировал его и внутри. Теперь это был не российский внедорожник с нероссийским названием, а нечто похожее на скутер ктархов, только кресло было не такое, как у них, а более подходящее мне, имеющему ширину в плечах значительно большую, чем ниже пояса. Внешне этот же скутер, еще накануне прямо в полете, в том же стиле на моих глазах трансформировал эмир Арсамков. При этом я вовремя вспомнил, как эффектно садился в скутер адмирал после того, как я вернул ему его шлем. И на глазах своего взвода и группы «Зверинец» приказал подлетевшему скутеру замереть в воздухе, открыть фонарь кабины, а сам, прихватив свой рюкзак и автомат, совершил прыжок через своих солдат, завис в воздухе над креслом пилота, плавно развернулся вокруг своей оси и так же плавно опустился в кресло.

У меня получилось, как мне показалось, даже более красиво, чем в свое время у ктарха Гжнана, сына Амороссэ. По крайней мере, не менее ловко. Это я сумел понять, бросив взгляд на солдат своего взвода и на офицеров ОМОГ. В глазах светилась оценка. Оставшись уверен, что метод посадки в скутер будет теперь широко распространен на все время операции, то есть на время, которое отведено нам на работу в шлемах, я опустил фонарь кабины и тут же, не задерживаясь ни на секунду, резко набрал высоту, чтобы меня не бросало из стороны в сторону при вынужденных маневрах во время перелета по ущельям.

Летать на высоте было спокойнее, да и обзор был лучше. Держать перед собой карту у меня необходимости не было. Я запомнил ее, когда майор Медведь при постановке задачи водил по ней пальцем. Для скутера было достаточно того, чтобы я задал ему конечную точку своего маршрута. Видимо, карта была заложена в самом шлеме, или же он считывал ее из моей головы. Вернее, как я думаю, скачал в свою память сразу, когда я смотрел в ту самую карту, а потом уже пользовался ею, не дожидаясь моих приказов.

Впрочем, углубляться в суть работы квантового киберкомпьютера я не намеревался, понимать его процессы не пытался и удовлетворялся только результатом. Иногда я старался только сформулировать мысленную команду, переводя ее в понятные человеку слова, команда тут же начинала выполняться.

Так, глядя вниз, я подумал о том, чтобы попросить скутер добавить скорости, как скорость тут же возрастала до такой степени, что меня вдавливало в спинку кресла. Но кресло было прочное, спинка даже не скрипела под нажимом, а я переводил дыхание и легко привыкал к большим перегрузкам. Видимо, природное здоровье и привычка к тренировкам, когда нагрузки всегда давались на пределе допустимого, помогали. И я опомниться не успел, как шлем сообщил мне не словами, а единым цельным понятием, что мы приближаемся к территории погранотряда.

Я потребовал связи с майором Медведем, чтобы уточнить, ждут меня здесь с объятиями или с ПЗРК. Но шлем однозначно сообщил, что связаться с базой не может из-за стены помех, оставленной стерехами. Стену еще не успели убрать полностью. А связь возможна только прямая. Отраженная связь не доходит до базы.

Тогда, долго не думая, я поинтересовался у шлема, знает ли он, что такое телефон. Ответ был положительным. Я приказал найти телефон на столе начальника погранотряда и соединиться, если возможно, с ним. Соединение произошло сразу, и я услышал в своих наушниках длинные гудки вызова. Трубку не брали долго. Наконец, ответили:

– Полковник Сорабакин, слушаю вас.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Старший лейтенант Троица, командир взвода спецназа ГРУ. Вас должны были предупредить о нашем присутствии в Резервации и о наших действиях...

– Да, старлей, меня предупредили. Что за странный номер, с которого ты звонишь? Мой аппарат с определителем, но не смог номер определить, чуть от натуги не взорвался. А я не знал, стоит ли отвечать на такой звонок. Твоему командованию следовало бы дать какие-то более конкретные координаты связи, чтобы можно было сразу определить человека.

Это он таким образом объяснил мне, почему так долго не брал трубку. Голос у полковника был вежливый, почти извиняющийся.

– Это потому, товарищ полковник, что я вообще не звоню вам ни с какого аппарата, обладающего собственным номером. Я просто общаюсь через квантовый компьютер. А он своего телефонного номера не имеет. Имеет, наверное, какой-то свой идентификационный код, или как он там называется, я не в курсе, но он принципиально не предназначен для связи в нашей цивилизации...

– Понятно, старлей. Хотя и не очень. Это ты очно мне потом объяснишь, если сможешь объяснить. А его номер мне и знать, думаю, не нужно. Нам предложили создать коридор для перехода или даже перелета границы для группы во главе с майором Медведем. Ты от него, как я понимаю? О твоём взводе тоже было что-то сказано, как и о тебе самом. Потому я вас двоих и совмещаю.

– Да, товарищ полковник, я представляю собой только разведку нашей группы. А майор Медведь с основной группой двинется за мной следом, как только я дам сообщение.

– Подожди, старлей. Я сейчас быстро прочитаю шифровку о вашей группе. Я только успел ее глазами пробежать при посторонних и в сейф убрал. Разговор у нас здесь был серьезный, и я отвлекаться не мог. Пару минут подожди...

– Товарищ полковник, я на своем летательном аппарате сейчас подлетаю к вашему городку. Наблюдаю издали, как идут занятия на полосе препятствий. Посадку совершу на площадку перед зданием штаба. Это, как я понимаю, там, где флаг России выставлен. Прикажете в меня не стрелять.

– У тебя что за летательный аппарат? На нашей площадке даже двухместный вертолет едва-едва помещается. Был уже случай, прилетали.

– Моя машина поместится, товарищ полковник. Это такой же скутер, как тот, что ваши парни при попытке пересечения границы сбили из ПЗРК. Тот, что в Грузию упал.

– Ты уже и это, старлей, знаешь... Тогда ладно, совершай посадку. Дежурный сейчас предупредит циркулярно все посты.

Я на всякий случай предупредил скутер, что такое ПЗРК, и дал пару советов, как от ракеты увернуться. Шлем мне ответил, что после первого случая в этом же районе все шлемы знают систему защиты от ракеты и все выработали у себя тепловые ловушки, которые могут быть отстреляны по мере необходимости. Могут использовать и встречный выстрел по ракете. Требуется только подтвердить, что ракета не несет биологические объекты, наделенные разумом. Подтверждение требуется дать заранее, чтобы шлем мог реагировать в автоматическом режиме, поскольку разница между реакцией кибернетического устройства и человеческого мозга несопоставима. Я, естественно, тут же подтвердил. Но заодно вспомнил, как сам из автомата расстреливал скутер и рвал пулями его обшивку, и попросил шлем создать какую-нибудь защиту от пуль, а то еще найдется пограничник, до которого приказ не дойдет, и он

решил дать по скутеру очередь. А мое тело относится к пулям совсем не так, как тела ктархов. Если у них для пули только голова уязвима, то у меня – все тело.

Но предосторожности оказались излишними. Связь для передачи команд у пограничников, видимо, работала без сбоев. Ни одной автоматной очереди снизу не раздалось, ни одной ракеты по моему скутеру выпущено не было.

Я совершил мягкую посадку на жесткой бетонной площадке перед входом в штаб. Можно было бы в целях безопасности совершить посадку и на плацу, который был отделен от площадки шестиметровым газоном, все-таки перед штабом ходили в одну и в другую стороны много пограничников – и солдат, и офицеров. Но мне хотелось показать ловкость скутера, которая, несомненно, была бы принята за мою ловкость. Причем в данном конкретном случае я заботился вовсе не о своем авторитете, а исключительно об авторитете спецназа ГРУ, желая создать еще одну легенду, о которой потом обязательно будут много говорить.

Едва скутер замер без движения в пяти шагах от главного входа в двухэтажное здание штаба погранотряда, как из дверей выскочил немолодой шарообразный майор с повязкой дежурного и остановился, вылупив глаза, чтобы рассмотреть скутер и, наверное, меня. Я мысленно поднял «фонарь», той же силой шлема в сидячей позе плавно вылетел из кресла, в воздухе выпрямился и, долетев до места, встал на бетонную дорожку прямо перед дежурным майором.

– Ведите меня, товарищ майор, к полковнику Сорабакину. Он ждет.

– Он ждет... Хотя внешний вид ваш может оказаться для полковника раздражителем. Вы без знаков различия... – охрипшим голосом, косясь на скутер, сказал майор. Потом развернулся и шагнул за порог.

– Это сугубо мои проблемы, – сухо ответил я.

Меня самого мой внешний вид не раздражал. Мне как-то приходилось участвовать в боевой операции, натянув на себя вместо армейского бушлата простую промасленную рабочую телогрейку. И смущения от этого я не испытывал.

Не испытал и сейчас. И смело шагнул через порог. Хорошо хоть в здании полы были не бетонные, а деревянные. Я вообще не любитель бетона, а в городке погранотряда, кажется, кругом все было бетоном залито. Кавказ! Здесь местные жители даже во дворах предпочитают иметь бетон вместо травы. Мне лично это понять трудно, но я к ним со своим уставом не лезу. Моя нелюбовь к такому распространенному строительному материалу обуславливалась просто. Однажды в училище нас, курсантов, заставили полчаса ползать на время по пористой и жесткой бетонной дорожке. В результате неделю после этого болели колени и локти. Памятуя об этом, я своих солдат никогда не заставлял ползать по бетону. Но за это в два раза увеличивал занятия на простой земле.

– У вас что, здесь асфальтовые дорожки и дороги из принципа не делают? – на ходу спросил я дежурного майора, который повел меня по лестнице на второй этаж по бетонной лестнице. – В идеале – не нравится?

– К нам даже почту вертолетом привозят. Где здесь асфальт взять... – вздохнул майор. Он, похоже, тоже был не большим любителем бетона. – Ближайший асфальтовый завод от нас на расстоянии почти в тысячу километров. А в самую жару бетон так раскаляется, что дышать невозможно. У нас, старлей, знаешь, какая жара иногда бывает!..

– Асфальт раскаляется не меньше, а воняет больше, – не согласился я, но вовсе не от любви к бетону.

Майор спорить не стал, может быть, потому, что мы пришли. Он открыл дверь в маленькую приемную. За столом, где в гражданских фирмах сидят секретарши, а в военных – адъютанты, никого не было. Только на столе стоял накрытый чехлом из дерматина старый монитор компьютера. Провода тянулись куда-то под стол.

В приемной, кроме двери, в которую мы вошли, было еще две двери. На той, что справа, висела табличка «Начальник штаба», на двери слева – табличка с надписью «Начальник пограничного отряда».

Во вторую дверь майор аккуратно и постучал и после приглашения просто распахнул ее, а сам, только заглянув, шагнул в сторону, пропуская меня. Сам дежурный при этом опасливо попятился и в кабинет не вошел. Видимо, полковник Сорабакин внушал ему долговременный душевный трепет. Я же, заглянув в кабинет, невозмутимо перешагнул порог. Мне лично этот полковник даже командиром не был, и у меня, следовательно, не возникало необходимости трепетать перед ним. Да я, честно говоря, даже перед нашим комбатом не трепещу, хотя он у нас человек чрезвычайно суровый и к тому же великий любитель порядка во всем. При визите комбата в казарму все табуретки должны стоять ровно по линейке, и если какая-то по недогляду дневального и дежурного по роте выступает из общего ряда – наш подполковник может впасть в ярость, а все солдаты получают звание «гражданских разгильдяев». Так что чужой полковник мог мне только внушить уважение к своим погонам, но не более.

– Разрешите? – спросил я и сразу же представился: – Старший лейтенант Троица.

– Заходи, Троица. Прочитал я шифротелеграмму относительно вашей группы. И в окно видел, как ты на этой штуке прилетел. Что там за двигатель стоит? Винтов нет, крыльев нет, а летает... Я так понимаю, реактивные двигатели с всеракурсно управляемым вектором тяги?

Я, мало понимая в услышанной технологии, вежливо снял с головы свой шлем. Но не столько потому, что среди русских людей живет обычай снимать в помещении головной убор, сколько для того, чтобы занять чем-то руки, которые мне некуда было деть.

Слышал я, что по рукам определяют профпригодность актеров. Если актеру на сцене руки мешают, значит, он никакой актер. Следовательно, актер из меня получился бы скверный. Но спецназовец, насколько я сам понимал, получился не самый беспомощный, и командир взвода не самый плохой. И этому следовало радоваться. Знал я командиров взводов, которых их солдаты, мягко говоря, недолюбливали. Но я на подобные размышления отвлекаться не стал, они просто промелькнули в голове и исчезли. Следовало поддержать разговор с полковником Сорабакиным и так ответить, чтобы полковника не обидеть.

– Никак нет, товарищ полковник. Там вообще нет двигателя.

– То есть? А как он тогда летает?

– Он не летает. Он перемещается в пространстве за счет силы мысли. Но это долго объяснять, тем более я сам многого не знаю.

– *И не надо объяснять, – несмотря на то что с головы я его уже снял, ответил мне шлем. Но произнести это вслух я, честно говоря, не решился.*

Лучше поддерживать с начальником погранотряда хорошие отношения. Тем более принял он меня вполне радушно, а ответ шлема мог бы показаться Сорабакину грубостью. Это не помогло бы нашему взаимопониманию. А поведение дежурного ненавязчиво сообщило мне, что полковник в крутости мало уступает нашему комбату, если вообще уступает.

– Это как так?

– Я не в состоянии это объяснить, товарищ полковник. Тем не менее это есть и работает на удивление отлично. В шифротелеграмме, что вы получили, есть что-то, что касается нашей группы? Что-то такое, что требует если не совместных действий, то согласования?

Полковник Сорабакин посмотрел на часы. Сам при этом выглядел хмуро и строго.

– Там много чего есть. Даже предупреждение о внешнем виде бойцов группы, солдат и офицеров. Несмотря на это, на мой взгляд, всех, кто ходит без знаков различия, положенных в армии, следует надолго закрывать на гауптвахте. Но мое командование, зная мои манеры и высокую требовательность к армейскому порядку, просчитало мое возможное поведение и конкретно об этом предупредило. И потому я тебя, старлей, не называю армейским разгильдяем. Есть там и конкретные данные. Через час сорок две минуты к нам должен прилететь

грузовой беспилотный вертолет и доставить контейнер, который мы обязаны передать лично тебе, старлей, или майору Медведю для тебя. Присылают какое-то оборудование для испытаний в боевой обстановке. Как я понял, некое новое оружие. Что конкретно, я не знаю.

– Не думаю, что полностью новое, но... Слава богу, позаботились. Я заказывал комплект «выстрелов» для гранатомета. Наверное, это и присылают.

– Комплект «выстрелов» могли бы приказать передать вашей группе со склада и нам.

– У вас есть «выстрелы» для «Вампира»? – поинтересовался я.

– Для «Вампира»? – переспросил полковник. – А что это такое?

– «РПГ-29». Самый мощный из современных ручных гранатометов, – вынужден был объяснить я. – Только это уже не испытания. «Вампир» давно принят на вооружение, хотя, к сожалению, за границу его продают больше, чем поставляют в свою армию.

– Нет, таких «выстрелов» у нас нет. Я могу поделиться «выстрелами» для «РПГ-16» и даже для «РПГ-7». Причем разными: и осколочными, и бронебойными¹.

– Спасибо, товарищ полковник. В таких у нас надобности нет. Вот «выстрелы» для «Вампира», как я просил, должны прислать. А что еще? Что пишут?

¹ Длительное время советская и российская военная промышленность выпускала гранаты для ручных противотанковых гранатометов исключительно бронебойные. Осколочные гранаты использовались еще «духами» в Афганистане, но выпускались они в Китае и в странах Ближнего Востока. И только в 1999 году в России была разработана осколочная противопехотная граната, которая нашла более широкое применение, чем бронебойная.

Глава вторая

– Попросят предоставить вашей группе режим наибольшего благоприятствования для работы и еще всякие мелочи, типа обеспечить компьютером для просмотра компакт-диска с инструкциями по оборудованию и что-то подобное. Это всегда пожалуйста. Компьютерного времени нам не жалко. После испытаний и написания отзыва спецтехнику предлагают принять на испытание мне, чтобы отправить на какую-нибудь беспокойную заставу. А у нас все заставы беспокойные. По крайней мере, раньше было. Через Грузию в республики Северного Кавказа возвращались домой прошедшие войну в Иране и Сирии бандиты. Часто попадались на границе. И без боя не сдавались. У нас тоже потери были. Правда, только ранеными. Без «двухсотых» обошлось.

Сейчас, кажется, можно ждать два варианта развития событий. Первый вариант – бандитов будут «тормозить» еще в Грузии на Полосе Отчуждения. Там американцы какие-то приборы, говорят, привезли. И набили небо беспилотниками. Как, кстати, и в самой Резервации. Но в Резервации они не везде летают. Наша российская часть стоит неподалеку. Радиолокационная станция. Они отслеживают ближайшее небо Грузии. Постоянно дают нам данные. Активность беспилотников беспрецедентная.

Второй вариант более неприятный. Бандиты будут прорываться, а американцы будут намеренно пропускать их. Будут прорываться, концентрироваться в Резервации уже на нашей стороне и проводить оттуда вылазки на Большую Землю, чтобы совершать теракты. После чего снова будут уходить в Резервацию.

– Если второй вариант получит развитие, товарищ полковник, у меня есть опасения, что мой взвод обретет здесь постоянную «прописку». А ни мне, ни тем более моим солдатам это не понравится. По крайней мере, это не поднимет им настроение.

– Но у тебя же не весь взвод с тобой? Мне так сообщили...

– Никак нет, товарищ полковник. Только те добровольцы, что согласились пойти за мной в Резервацию. Парни уже были здесь и решили своего командира не покидать. Наш командующий разрешил.

– Хорошие, наверное, парни... – в голосе полковника прозвучала зависть.

– Хорошие парни, товарищ полковник.

Иначе я и не мог охарактеризовать своих солдат. И был при этом искренен. Но хотелось бы, чтобы начальник погранотряда и командира взвода оценил. Не с каждым командиром солдаты так вот добровольно неизвестно во что захотят ввязываться.

– Ладно. Давай будем держаться ближе к делам. – Полковник Сорабакин встал из-за стола, и я впервые увидел, насколько он высок ростом. Гораздо больше, чем сто девяносто сантиметров. Я даже стоя казался себе рядом с ним пигмеем или ребенком. – Нам еще больше полутора часов ждать прилета грузового беспилотника. А тебе хочется посмотреть на остатки сбитого летательного аппарата. С людьми, наверное, поговорить захочешь. Тогда нам нужно попасть на пятую заставу. Можно, конечно, на моей машине отправиться. Сорок минут туда, сорок минут обратно. Десять минут на разговор. До границы дойти, чтобы посмотреть в бинокль, не успеем никак. Там пешком до точки наблюдения добираться больше пятнадцати минут. Есть предложения, старлей? Едем? Или сначала «грузовик»ждемся?

– Вижу, товарищ полковник, есть предложение с вашей стороны, и даже догадываюсь о его содержании.

– Проницательный ты, значит, человек, Троица. Наверное, вас чему-то дельному там, в военной разведке, тоже учат. Только я для начала хотел поинтересоваться – твой летательный аппарат на одного человека рассчитан или в состоянии двоих поднять?

- Мы уже летали вдвоем. Только для этого требуется некоторую трансформацию произвести. Хотя бы второе кресло там поставить. Я это сделаю...
- У меня здесь только одно кресло есть – рабочее. – Он кивнул на кресло, из которого только что встал. – Разве оно подойдет?
- Едва ли, товарищ полковник. Но вы не беспокойтесь. Я мысль поставлю второе кресло.
- И полетим мы тоже с помощью твоей мысли? – Он посмотрел на меня с недоверием.
- Так точно, товарищ полковник, – ответил я твердо. – Но дело здесь не во мне и не в моей голове, а исключительно в шлеме. Вот в этом...
- Я показал шлем, но в руки полковнику его не передал.
- Своего рода волшебная палочка?
- Примерно. Хотя имеет официальное название. И даже вполне научное, по моему мнению. Но мое мнение ничего в данном случае не отражает, потому что все равно не смогу объяснить, что это такое в расширенном понимании. Мы же можем пользоваться автоматом, не очень понимая принципов горения пороховых газов и не обязательно зная начальную скорость полета пули.
- Офицер-пограничник обязан это знать и знает, – твердо сказал полковник.
- Офицер спецназа тоже, но эти знания не являются определяющими в его профессиональной пригодности.
- С натяжкой, но соглашусь. Тем более солдаты держат в руках автомат чаще, чем офицеры, и они могут многого не знать. Так какое же «звание» у твоего шлема?
- Квантовый киберкомпьютер, товарищ полковник.
- И соображает как начальник оперативного отдела?
- Только воплощает сам, и лучше. Но не все умеет. С чем не знаком, делать не умеет.
- Например?
- Например, вчера я попросил его сделать мне светошумовую мину, он отказался, потому что не знает, что это такое. Пришлось сгонять его довольно далеко за рюкзаком нашего взводного сапера, где эти мины были.
- Быстро слетал?
- Он, похоже, не летал, а телепортировался. Через несколько секунд доставил.
- Телепортировался... Это что такое? – спросил Сорабакин. – Не понимаю я твою терминологию. Не для простого она ума предназначена. Это, думаю, что-то из высокой науки...
- Около того, товарищ полковник. Телепортировался – просто переместился на расстояние, презрев время. Был рядом, пропал и тут же опять появился, уже с рюкзаком.
- Шлем?
- Скутер по команде шлема. Летательный аппарат.
- Сказки рассказываешь, старлей? – Полковник смотрел недоверчиво.
- Самому не верилось, пока не увидел.
- Тогда сразу вопрос на засыпку...
- Слушаю, товарищ полковник.
- Твой скутер супербыстрый. Умеет за секунды преодолевать громадные расстояния. Умеет телепортироваться. Как же так наши мальчишки из простого ПЗРК сумели подбить его? Ведь ПЗРК пригоден больше для того, чтобы сбивать вертолеты. Почему? Исключительно потому, что у них скорость низкая... Что там произошло?
- Не могу знать, товарищ полковник. Могу только подозревать.
- И что ты подозреваешь?
- Я знаю, что скутер этот нес в себе существо не нашей цивилизации. Мне вчера объясняли, что это не внесемная цивилизация, а что-то типа параллельного мира. Мы их зовем «пауками»...

– Да, наши посты несколько раз видели этих гигантских «пауков». Более того, они даже похитили одного нашего военнослужащего.

– Я слышал об этом. Только сами «пауки» утверждают, что они гуманисты и никого не похищали. Что касается солдата-пограничника, то он просто дезертировал и они помогли ему оказаться дома, у родителей. Он пришел к «паукам» с оружием в руках, покинув пост. «Пауки» не знают наших законов и обычаев. Они просто выполнили волю солдата.

– Даже так? Ну, с этим мы разберемся. Но ты мне объясни, как случилось, что наряд пограничников сумел подбить скутер, как ты его зовешь? Сможешь объяснить?

– Я – нет. Но шлем слышит наш разговор. Разрешите, я у него спрошу.

– Шлем еще и разговаривать умеет! – возмутился полковник Сорабакин. – К сожалению, в Резервацию невозможно вызвать дежурный вертолет из психиатрического отделения госпиталя. Иначе одного из нас, или меня, или тебя, старлей, обязательно туда отправили бы... Так, значит, шлем отвечает на твои вопросы?

– Он, товарищ полковник, разговаривать не умеет. Он просто вкладывает мне в голову готовые ответы. Иногда словами, иногда образами. Разрешите надеть шлем.

– Да хоть три шлема сразу... – Сорабакин откровенно сердился, закипал понемногу, но еще, кажется, не закипел окончательно.

Трех шлемов у меня в наличии не было. Я удовлетворился тем, что надел один, хотя помнил, что шлем мог бы дать мне ответ и тогда, когда я его в руке держал. Между нами существовала связь непонятного мне характера. Однако пока шлем ничего не подсказывал, почему-то тянул время. При этом я надеялся, что, будучи у меня на голове, он станет отвечать на мои вопросы. И мысленно я повторил вопрос полковника Сорабакина. Опыт удался. Шлем вложил мне в голову ответ, который я тут же и повторил вслух, даже чувствуя, что это не совсем мой голос говорит:

– Прсжнан, сын Матомоссэ, летел очень медленно. Он видел ракету, что летела в него. При этом он имел возможность мыслью уничтожить ракету. Но не стал этого делать, потому что подозревал, что в ракете находится живое существо, разумный организм. Он мог направить летящую в него ракету на скалы, но из тех же соображений не сделал этого. А потом было уже поздно.

– Гуманизм, значит. Махровый гуманизм, который не позволяет убивать живое существо... – с непонятным неудовольствием высказался полковник Сорабакин и глубоко задумался.

– Так точно, товарищ полковник. Гуманизм...

Он не обратил на мои слова никакого внимания и даже как-то демонстративно отвернулся к окну и смотрел за стекло, словно там происходило что-то очень интересное. Мне оставалось только ждать, но ожидание затянулось, и я осмелился напомнить полковнику, что времени у нас остается все меньше:

– Товарищ полковник, так мы летим?

Сорабакин резко обернулся и посмотрел на меня с обидой в глазах:

– Ты что, желаешь меня дураком показать перед всем штабом? Хочешь, чтобы я у всех на глазах корячился, забираясь в твою «этажерку», которая не может летать в принципе, по определению. Это простой ящик, хотя и красивый. И чтобы потом мне в спину со смехом показывал любой лейтенант! Знаешь что, старлей... У нас на «губе» очень хороший карцер... Посажу я тебя, пожалуй, туда... Суток на трое. Остынешь, из головы вся дурь выйдет...

Он словно забыл, что сам сознавался, как наблюдал в окно за моим подлетом к штабу. Трое суток в карцере... А нашей группе на всю операцию трое суток отпущено. Это значило, что в карцер мне никак было нельзя. И потому я не согласился:

– Это невозможно, товарищ полковник. Извините уж, но я напомним вам, что вы сами в окно наблюдали мой полет, в который теперь не верите. Кроме того, вы получили официальный приказ о содействии нашей группе.

– Да. Не верю я во всякую ерунду. А наблюдал я какие-то фокусы. Иллюзион... Копперфильдщина² сплошная... И вообще думаю, что это твое внушение, а я ничего не видел. И никто этого не видел. Пользуешься моей дурной славой!.. Нашел, чем пользоваться! На то она и дурная, что ее опасаться следует. Трое суток в карцере – тогда поумнеешь!

Сорабакин даже рукой, как саблей, махнул, разрубая иллюзии.

– Тем не менее, товарищ полковник, при всем моем уважении к вашим погоням, я не могу согласиться на трое суток. Просто по обстоятельствам – не могу, и все. И повторяю еще раз, что это категорически невозможно. И я вынужден буду принимать собственные контрмеры, которые, боюсь, как раз и сделают вас посмешищем, стать которым вы так откровенно опасаетесь.

– Что? – До полковника не сразу дошло, что я не склонил смиренно голову. Он в высокогорном погранотряде, оторванном от большого мира, привык чувствовать себя царем и хозяином и, судя по поведению дежурного по штабу майора, проявлял при этом некоторую долю самодурства. Возможно, столкновение с самодурством и солдата-пограничника вынудило дезертировать. Такие вещи случаются сплошь и рядом, и я этому при подтверждении не удивился бы. – Ты что, старлей, не понимаешь, что здесь я хозяин? Как скажу, так и будет.

– Было... – поправил я его.

– Что?! – опять не понял возмущенный полковник.

Шлем уже отработал необходимые мероприятия. Меня поведение полковника сильно смущало. Я не понимал, чем оно вызвано. Не понимал, почему он своим глазам не хочет верить. Словно уже обманывался многократно.

– Посмотрите на потолок, товарищ полковник, – посоветовал я спокойно и требовательно.

Он смотреть не стал. Побоялся, видимо, что я обнаглею и ударю его в этот момент, например, ногой промеж ног. А зря он обо мне так подумал. Я старших по званию стараюсь без особой необходимости не бить. Тем более так обидно...

– Как хотите... – сказал я, и тут же с потолка на полковника Сорабакина упала паутина. Настоящая паутина, та самая, что брала в плен и бандитов, и моих солдат, и офицеров группы «Зверинец». Причем одна толстая нить паутины ловко залепила Сорабакину рот так, что он даже крикнуть не смог. А его попытки сопротивляться только заставили паутину сократиться и сжать жертву еще плотнее. – Вы, товарищ полковник, не хозяин, вы просто муха, которая влезла в паутину и не может выбраться из нее. И ваше счастье, что я не паук, не пью полковничью кровь. Убедились, что попытка посадить меня в карцер опасна в первую очередь для вас лично и только во вторую для тех, кому вы отдадите приказ?

Я видел его испуганные глаза. Он, может быть, опасался, не боялся, а именно опасался меня как представителя спецназа ГРУ, несомненно, было беспокойство и по поводу того, что полковником был получен приказ содействовать нашей группе, а он решил проявить самоуправство. Но здесь, видимо, сыграло свою роль ощущение Резервации. Сорабакин думал, что территория эта надолго оторвана от остального мира, и он пожелал стать здесь грозной силой, царьком и богом, поскольку количественно он располагал здесь самыми серьезными силами. Полковник был готов ко многому, но никак не был готов угодить в паутину. Это было выше его понимания и сильнее, чем самые неприятные его ожидания.

– Будем говорить, товарищ полковник?

Я увидел в его глазах испуганное согласие. Кивнуть он просто не мог – паутина этого ему не позволяла.

² Копперфильдщина – производное от имени Дэвида Коперфильда, американского артиста-иллюзиониста.

– Только я сразу предупреждаю, что всякое ваше действие, продиктованное желанием доставить мне неприятности, сразу же будет пресекаться паутиной. Только она будет уже не такая доброжелательная. Она не будет свисать с потолка. Она прямо через окно, не разбив стекла, вылетит наружу, ухватив вас за ногу, и заставит висеть вниз головой на виду у подчиненных. Еще и покачает слегка. А какой-то отдельный кусок паутины будет вас щекотать, чтобы вы извивались и смешили зрителей каждым своим движением. При этом я предупреждаю, что никакие пули на паутину не действуют. Она просто пропускает их через себя, и все... Если, товарищ полковник, не желаете попасть в неприятную ситуацию, когда над вами будут смеяться даже солдаты в карцере гауптвахты, рекомендую ничего не пытаться против меня предпринять. Я не сам буду против вас работать. Я уже отдал приказ, и любые ваши действия определенной направленности будут пресекаться высшими силами с реакцией квантового киберкомпьютера. А это несравнимо с человеческой реакцией.

Шлем подсказал мне еще одну важную вещь, и я, не задумываясь, передал ее полковнику:

– Кроме того, я всегда имею возможность дать мысленный приказ своему шлему, даже если он не на моей голове, и вам, товарищ полковник, будет произведена медицинская процедура лоботомии. То есть из вашей памяти будут стерты отдельные куски, и вы не будете помнить, что вам помнить не следует. То есть вы забудете не только то, что хотели посадить меня в карцер, но забудете даже причину, по которой намеревались так поступить. Процедура эта простая и безболезненная, тем не менее не слишком приятная, потому что вместе с нужными участками нечаянно могут быть стерты и другие. И вы забудете имя жены или даже свое собственное. Итак, товарищ полковник, будем говорить?

Я мысленно попросил шлем ослабить хватку в области лица, и только после этого полковник сумел кивнуть. А потом и сказать:

– Белочка³... Опять пришла... Как ты меня замучила...

Этих слов я не понял. Хотя что-то подозревать начал. Хотя и сильно сомневался в своих подозрениях. И внимательно следил за Сорабакиным.

Характер местечкового царька был еще не сломлен, об этом говорил его упрямый властный взгляд. Взгляд не постоянно был таким, но менялся от беспомощного испуга до властного возмущения. И я в дополнение и усиление предварительного действия попросил шлем приподнять полковника, перенести за стол и посадить в кресло. Даже не попросил, а просто представил, как это происходит, и это произошло. Сорабакин извивался, пытаясь вырваться, чем только усиливал хватку паутины, и это пугало его, ломало волевою полковничью натуру.

Наконец, когда он оказался в кресле, паутина слабо обвилась вокруг него, практически уже не мешая дышать. Но стоило Сорабакину попытаться резко встать и стоя высказать свое возмущение, как неодолимая сила снова вдавила его в относительно мягкое, но все же истошно заскрипевшее кресло. С силой квантового киберкомпьютера полковник бороться был не в состоянии. Думаю, угнетение в это же время шло и на его мозг.

– Не пытайтесь... Следующая попытка доставит вам боль и новые неудобства. Уже более долговременные и даже чреватые последствиями.

Мой предельно вежливый совет, хотя и не сопровождался пинком, поскольку сиденье полковничьего кресла не позволяло это сделать, возымел результат. Сорабакин, посуровев взглядом, видимо, со скорбной болью в душе, согласился с безысходностью своего положения, осмыслил его вполне правильно, тяжело перевел дыхание и сказал:

– Старлей Троица, ты слишком много себе позволяешь. Тебе не кажется?

– Никак нет, товарищ полковник. Я вообще уважительно стою перед вами, поскольку не получил разрешения присесть. А мой шлем читает ваши мысли и действует по-своему. Но направление его действий имеет одно доминантное векторное обозначение – оно идет в сто-

³ Белочка (жарг.) – белая горячка.

рону обеспечения моей безопасности. Это необходимое условие для успешного проведения всей операции. И я со своей стороны могу вам только сказать, что не позавидовал бы вам, если бы вы сорвали операцию. Эта операция имеет государственное значение. То есть важна для безопасности всей страны. В том числе вашей безопасности и вверенных вам солдат-пограничников. По крайней мере, тех из них, кто еще не дезертировал, спасаясь от неприятностей, о которых вы прекрасно осведомлены.

– На что ты намекаешь, старлей? – с вызовом спросил полковник, но в голосе его прозвучали нотки угрозы, и паутина тут же натянулась заметно туже, не только сам Сорабакин почувствовал это, но даже я заметил. А как тут не заметишь, когда лицо Сорабакина приобрело цвет вареного рака, хотя в кабинете работал кондиционер и нагнетал ледяной воздух. А я начал опасаться, что полковника инсульт хватит. Нужно было договариваться с ним, пока это было возможно, пока он мои слова слышал и воспринимал. Не совсем правильно, но тем не менее воспринимал.

– Товарищ полковник, – сказал я с укором. – Я же предупредил, что шлем не только на ваши действия реагирует, он ваши мысли читает. Более того, он анализирует ваши ощущения. И потому я предлагаю вам не обострять ситуацию, а просто пойти со мной, сесть в скутер и полететь на заставу номер пять, как вы и предлагали. Времени у нас остается все меньше и меньше. Шлем сейчас сделает паутину невидимой окружающим, но ощущать вы ее все равно будете. Это необходимо. Не обессудьте уж – вы лучше меня знаете свой характер. Однако ходить вы сможете. Если вы согласны, шлем ослабит хватку. Итак, товарищ полковник, вы согласны?

Сорабакин скрипнул зубами, как отпетый уголовник, после чего спросил меня:

– А что будет, если я откажусь?

– Сложности будут не у меня, а у вас. Шлем сейчас позвонит вашим голосом капитану Светлакову... Кстати, он правильно прочитал в вашей голове фамилию и звание начальника заставы?

Вместо ответа последовал новый скрип зубов.

Я продолжил:

– Итак, он позвонит вашим голосом и прикажет встретить меня, все показать, все рассказать, что меня будет интересовать. И, как я думаю, капитан Светлаков будет полностью уверен в том, что действует по вашему приказанию. Если у него возникнут вопросы и он пожелает проверить, позвонив вам, шлем опять же ответит вместо вас и все подтвердит. Вы все это время будете сидеть, опутанный паутиной, тихо спать или, может быть, даже храпеть так громко, что ваши подчиненные не решатся вас разбудить. И не в состоянии будете помешать мне, пока я не разрешу вам прийти в себя. Это все не сказки. Это реальность. Вчера шлем разговаривал со мной голосом командующего войсками спецназа ГРУ, и я ничего не заметил. Квантовому киберкомпьютеру это не трудно.

Полковник Сорабакин стрельнул в меня взглядом и зло поджал губы.

– Я не желаю принимать участия в вашей клоунаде. После нее одна дорога – в психушку... Семимильными шагами...

– Это ваше право, товарищ полковник, – ответил я как можно смиреннее и мысленно дал шлему задание. И даже слышал при этом разговор «полковника Сорабакина» с капитаном Светлаковым. Некоторые слова из устной разговорной речи шлему наверняка не были понятны, но он их произнес с соответствующим колоритом. Я сам не любитель матерщины, но не смог не признать, что матерится полковник на подчиненных со смаком. И это на офицеров. Как же он тогда разговаривает с солдатами? Кулаками?

– *Бывает и такое, – ответил мне шлем.*

Я не знаю, откуда у шлема появилась эта информация, может быть, из головы Сорабакина, может, еще откуда. Но я шлему верил и после этого сообщения перестал жалеть полковника и дал шлему соответствующее задание.

Выходя из кабинета, я обернулся. Паутина на полковнике была, но видно ее не было. Сам он спал, положив голову на стол. Я уже закрывал за собой дверь, когда услышал в кабинете залихватистый храп. Спать полковник Сорабакин будет до тех пор, пока шлем его не разбудит.

Как бы мне не забыть дать шлему соответствующую инструкцию, когда надобность в спящем полковнике отпадет, как уже отпала надобность в полковнике бодрствующем. Хотя память меня обычно не подводит...

* * *

На первом этаже, увидев меня из-за своего «фонаря», выскочил навстречу колобкообразный майор с повязкой дежурного. Не успев подойти, вопросительно поднял брови, словно спрашивал, как прошел разговор. Я дал майору возможность задать вопрос:

– Как полковник? Суров, как всегда?

– Я не могу знать, товарищ майор, каков он всегда, но мне он показался предельно корректным и сдержанным человеком. Только, мне кажется, он сильно болен.

– Болен? Что с ним опять?

– Позвонил на заставу капитану Светлакову, чтобы тот принял меня и все рассказал-показал. Говорил ваш полковник как пьяный, сильно матерился в разговоре. Только трубку положил, упал головой на стол и сразу захрапел. Слышите? – Я пальцем показал на лестницу, ведущую на второй этаж. Храпа, естественно, слышно не было, но майор, видимо, очень хотел услышать его. И потому услышал. И широко улыбнулся. Привычно...

– Наш начальник разведки, старлей, хотел с вами побеседовать...

Он разговаривал со мной уважительно на «вы», видимо, из-за седины в моей голове и из-за морщинистого немолодого лица. Выглядел я, как мне самому казалось, пожалуй, постарше этого майора. Выходит, возрастные признаки делают меня солиднее и поднимают мой авторитет. Но я не стал сообщать дежурному майору свои настоящие данные, чтобы не разочаровать человека. Да он, признаться, и не спрашивал.

– Я слетаю на заставу. Капитан Светлаков ждет меня. Когда вернусь, с начальником разведки поговорю. Просто времени сейчас в обрез. Скоро сюда должен прилететь для меня грузовой беспилотник. К его прилету следует вернуться.

– Может, и полковник Сорабакин к тому времени выпится... – недобро отозвался о своем командире дежурный. – С ним бывает. Если снова приступ не случится, все обойдется...

Я демонстративно взглянул на часы, якобы не желая уточнять, что обычно бывает с полковником. Майор, понимая мою спешку, не стал настаивать на немедленной встрече с начальником разведки...

Глава третья

Спрашивать дежурного майора, где расположена пятая застава, я, естественно, не стал. Любому показалось бы странным, что полковник, отправляя меня на заставу, не показал на карте, где она находится. Но я мысленно поинтересовался у квантового киберкомпьютера, сможет ли он найти мне заставу, и шлем ответил, что считал всю необходимую информацию из головы полковника Сорабакина. На это я и понадеялся. В противном случае пришлось бы пригласить с собой в полет начальника разведки. Была надежда, что начальник разведки характером отличается от начальника погранотряда. Но теперь такой необходимости не было.

Видимо, весть о том, как я покидал скутер, уже успела облететь военный городок погранотряда. К штабу стекалась настоящая река из желающих посмотреть, как я буду улетать. Полковник Сорабакин, похоже, знал, что так произойдет, опасался неудачи и потому от полета отказался. Я же знал, что неудачи быть не может. Мысль моя работала четко, шлем работал в унисон с мыслью. И уже на подходе к скутеру я поднял «фонарь» кабины, сам слегка взлетел, развернулся в воздухе и сел в свое кресло. Одновременно с этим вдруг распахнулось окно над входной дверью штаба, расположенное прямо под российским флагом, и оттуда раздался залистый львиный рык. Но это был не звук из зоопарка, а всего лишь храп полковника Сорабакина.

Шлем при этом, почти извиняясь, стал объяснять мне, что это не он прислал на храп несколько офицеров – они сами пришли на звук, открыли дверь, отчего получился сквозняк, который и распахнул окно. А сейчас офицеры снимают на видео своего полковника, храпящего в собственном кабинете. Еще шлем поставил меня в известность, что все офицеры, вошедшие в кабинет Сорабакина, намереваются или, по крайней мере, думают о том, что выставят этот видеосюжет в Интернет. Так они надеются от Сорабакина избавиться.

– Мудрое решение, – согласился я, опуская «фонарь» кабины.

И тут же взлетел, совершив крутой, чуть ли не вертикальный подъем. При этом мой организм без проблем выдержал необходимую физическую перегрузку – здоровья на такие полеты мне пока еще хватало, несмотря на обильную седину в волосах и морщины на лице. Самому мне казалось, что вираж, который я мысленно заложил, выглядел очень эффектно. Самолеты так взлетать не умеют.

Наверное, это и в самом деле выглядело здорово. Собравшиеся смотрели на меня раскрыв рты. Но продолжения я им не показал, стремительно улетев туда, куда мне было необходимо. У меня было катастрофически мало времени, а зрители могли обойтись и без фигур высшего пилотажа. Тем более я точно даже не знал, какие фигуры можно выполнять, не опасаясь вывалиться из кресла, хотя я ни разу еще не вываливался и даже знал, что некая неведомая мне сила держит пилота в кресле всегда. Но, думаю, зрителям достаточно было моего крутого виража и стремительного удаления в сторону ближайшей горы, той самой, как я понял, которую показывал мне на карте майор Медведь.

– Как будем налаживать отношения с полковником Сорабакиным после возвращения? – спросил я вслух, подразумевая, что шлем понимает не только мысленные послы. Мне просто удобнее было общаться вербально. Без посторонних это было нормально, никто не мог посмотреть на меня косо.

– Я хотел оставить его спящим. Но могу разбудить и стереть в его памяти все моменты непонимания, заложив в нее другие, более дружеские эмоции. – Шлем по-прежнему отвечал, вкладывая мне мысль в голову, но я не просил его произносить слова. Если ему так удобнее, пусть так общается. Главное, что я его понимаю.

– А есть гарантия, что полковник снова не взбрыкнет по какому-нибудь поводу или даже без повода? Просто захочет почувствовать себя хозяином...

– У меня такой гарантии нет, – ответил шлем. – Я не могу переделать его характер. Он давно уже устоялся и мало поддается воспитанию.

– Тогда пусть лучше продолжает спать. Я бы еще поставил под стол пустую бутылку водки, а содержимое бутылки влил ему в рот. Чтобы и запах был, и состояние соответствующее. – Это я вспомнил слово «бывает», произнесенное дежурным майором.

– Это легко сделать. Могу даже надумать офицеров, которые пока еще в его кабинете, чтобы они сняли на камеры своих смартфонов пустую бутылку.

– Сделай, – предложил я шлему «добить» полковника. – И пусть каждый из них выложит свои записи в Интернете. С разных адресов, в разных социальных сетях.

Признаться, я в этот момент думал не о том, что у меня не сложились отношения с Сорабакиным и едва ли сложатся в дальнейшем. Я думал о том, как он общается со своими офицерами и солдатами-пограничниками. И считал, что наказание через Интернет будет лучшим решением этого вопроса. Командир просто не имеет права быть таким. Мы своего комбата, честно говоря, слегка опасаемся, но наш комбат никогда не позволяет себе оскорблять офицеров или солдат. А о том, чтобы поднять на солдата руку, и разговора не может быть. Комбат знает, что ему, возможно, придется этих солдат в бой вести. И потому разница между нашим подполковником и здешним полковником была огромной.

Но скорость полета скутера не дала мне возможности долго размышлять на эту тему. Пятая пограничная застава располагалась не на вершине горы, а на пологом склоне рядом с вершиной, причем от вершины смещалась в российскую сторону, значит, из Грузии не проглядывалась.

Тем не менее я решил подлетать не сверху, а снизу, над склоном, чтобы и меня увидеть со стороны Грузии было невозможно. Поскольку граница проходила по нижнему краю внешней подошвы горы, дорога к заставе не вилась серпантинном, как обычно бывает в таких местах, а описывала вокруг овальной горы спиральные круги, постепенно, с каждым кругом, забираясь все выше и выше.

Но меня дорога интересовала мало, поскольку автомобильным транспортом я пользоваться не собирался. Дорогу я отметил только потому, что многократно пересек ее, то есть пролетел над ней. Сама застава была огорожена забором из профилированного стального листа высотой в пару метров. Такие заборы делают, я видел, дачники в российских деревнях, тогда как сами деревенские люди предпочитают простое прясло вместо забора, то есть жердь, что тянется от столбика к столбику. Но перелететь даже через металлический забор было для скутера не проблемой. Однако я пожелал подняться еще выше, но не настолько, чтобы меня было бы видно со стороны Грузии, то есть выше вершины я не поднялся. Но даже та небольшая высота позволила мне рассмотреть компактный бетонный плац с традиционной дорожкой к штабному корпусу и обычную для всех застав, на которых мне довелось бывать, а их было больше десятка, круглую клумбу перед входом. На клумбе росли цветы, за которыми ухаживали солдаты. И если сначала у меня было желание совершить посадку прямо в середину клумбы, то, подлетев ближе, я передумал, пожалев солдатский труд, и посадил скутер на дорожке.

У двери в штабной корпус, к которому под прямым углом, как я видел сверху, примыкала казарма, стояли капитан и два сержанта. Наверняка здесь, на заставе, были и еще офицеры, поскольку не бывает застав с одним только командиром, но, видимо, капитан Светлаков посчитал лишним отрывать их от важных дел только ради того, чтобы познакомиться с полетом скутера, причем такого же, какой пограничники накануне умудрились подбить из ПЗРК. Наверное, такое дело было для пограничников удачей, и они не подозревали, что пилот скутера, ктарх Прсжанан, сын Матомоссэ, просто позволил себя сбить из гуманистических соображений, предполагая присутствие в ракете разумного существа. Если бы ктарх не захотел быть сбитым, он не позволил бы это сделать. Значит, капитана Светлакова и его солдат ждало опре-

деленного рода разочарование. Впрочем, я не спешил это разочарование обозначать. Но Светлаков сам на это напросился.

Я шагнул к нему, он шагнул мне навстречу, протянул руку для рукопожатия. Кисть у капитана оказалась крепкой, мужской.

– Старший лейтенант Троица, спецназ ГРУ, – представился я.

– Капитан Светлаков, начальник погранзаставы, – ответил он. – Не опасешься, старлей, на такой колымаге летать?

– А чего мне опасаться?

– Тут недалеко дагестанское село. В горах отары пасутся. У каждого, считай, чабана есть с собой автомат. От волков держат. Даст очередь, и свалится колымага.

– Надо еще суметь попасть. А то я ведь могу и обидеться, приземлиться и автомат у чабана отобрать. Или сверху его расстрелять из своего автомата.

– Ну, попасть-то в такой летательный аппарат не слишком сложно... – чуть задиристо сказал капитан. – Он же низкоскоростной...

– Это ты о том, что твои солдаты сбили скутер из ПЗРК?

– И об этом тоже. Опасно на таком летать.

– Скутер, который вы сбили, не желал защищаться, считая, что нет причин его уничтожать. Он сам мог бы уничтожить вашу ракету, да, пожалуй, и всю заставу вместе с солдатами и офицерами, но посчитал, что в ракете находится разумное существо, и потому уничтожать не стал. По той же причине, видимо, не стал уничтожать и заставу.

– Я не вижу у твоего скутера, как ты его называешь, оружия. – Единственное возражение Светлакова казалось ему самым убедительным. – Чем он мог уничтожить ракету?

– Простой мыслью...

– Ну вот, и до ненормальной фантастики дожили... – Капитан вздохнул.

– Если бы все мы не оказались в мире фантастики, никто не стал бы объявлять территорию Резервацией, никто не стал бы окружать ее Зоной Отчуждения. Мы с тобой, капитан, живем сейчас в мире фантастики, и, если не получается в ней самой жить, придется все же с таким положением вещей смириться. А сбить скутер... – Я усмехнулся и дал шлему задание.

В ту же секунду скутер без пилота сорвался с места, на высочайшей скорости сделал петлю и совершил несколько настоящих голубиных кульбитов в ограниченном пространстве ниже вершины горы и ниже заставы. Если кто-то кроме нас четверых наблюдал за этой картиной, то вполне мог себе от удивления челюсть вывихнуть. Скутер тем временем совершил еще несколько маневров и аккуратно, не «светясь» над горой, совершил посадку точно там же, откуда взлетел по моему приказу.

– Ну что, смогли бы, капитан, твои солдаты сбить скутер, когда он летит даже не на полной скорости и совершает в воздухе такие выкрутасы?

– Сложно... – удивленно покачал головой Светлаков. – Так почему, я не пойму, тот скутер не летел так же, как твой?

– Не могу знать, могу только предполагать, что он желал показать свое дружелюбное отношение к пограничникам. А они ответили ему выстрелом из ПЗРК.

– Это досадно. Но здесь граница, – коротко оправдался капитан. – Тот скутер перелетал границу, и солдаты были обязаны стрелять в него.

В этом Светлаков был прав, и я возражать не стал.

– Ладно, капитан. У меня времени мало. Меня интересует место, куда упал скутер, и вся окружающая обстановка.

– Сейчас пойдем... А что там с полковником Сорабакиным? Мне показалось, он как-то странно разговаривает.

Значит, шлем не может полностью передать нужные интонации. Вернее, передает их не всегда точно. Я уловил фальшь в разговоре с мнимым командующим. Майор Медведь уловил то же самое. Теперь капитан Светлаков по-своему воспринял голос полковника Сорабакина.

– Мне тоже показалось, – согласился я, интуитивно найдя правильный выход из ситуации, – что он – пьян...

– Опять! – Это вырвалось у капитана явно непреднамеренно. – Есть за Николаем Васильевичем такой грешок. Хотя слово офицера давал командованию... После приступа белой горячки, когда его отстранить от должности хотели. Тогда сразу достойную замену найти не смогли. С таким же опытом. Потом дело на тормозах спустили. И где он сейчас?

– Спит за своим столом в луже собственных соплей. Некрасиво для полковника. Офицеры штаба снимают эту сцену на видео. Думаю, хотят в Интернет выложить.

– Для Николая Васильевича это конец службы. Если в Интернет выложат. Жалко его. Голова дурная, но офицер деловой, службу знает.

– И солдат бьет! – добавил я.

– И этот грех за ним водится. Только командованию об этом не докладывали. Иначе полковника уже давно сняли бы с должности. У нас с этим строго. А как известно стало?

– Дезертир... – коротко сообщил я. – Домой убежал.

– Понятно. А полковник его бегство свалил на «пауков». Сказал, что «пауки» его сожрали.

– «Пауки», вернее, ктархи, это они себя называют ктархами, людей не едят, и вообще они весьма даже гуманные травоядные создания.

– Ты с ними встречался, старлей?

– Разговаривал, как сейчас с тобой.

– Понятно. Значит, и летаешь на их технике с «паучьего» согласия?

– Значит, так. Они воевали за наш мир с другими пришельцами, и многие из них погибли за людей. Правда, в гибели они не видят большой беды, потому что, как они утверждают, душа бессмертна и воплощается в ином теле, может быть, даже в человеческом...

– Реинкарнация, что ли?

– Типа того... Свой вариант реинкарнации.

– Я – православный... – сумрачно ответил Светлаков.

– Они тебе на это ответят, капитан, как и я, что это твоя личная беда, но переубеждать тебя не будут. У нас уже случался разговор на эту тему. Так мы как, идем на точку наблюдения или не идем?

Я понял, что здесь любой готов задать кучу вопросов тому, кто что-то знает о ктархах, хотя знания эти весьма невелики. Каждый из сержантов-пограничников, что стояли вместе с капитаном Светлаковым, готов был задать собственный вопрос. На все вопросы отвечать пришлось бы до вечера. И при этом необходимо было использовать знания шлема, хотя бы для того, чтобы выглядеть убедительнее. И все равно большей части услышанного люди не поверят. Сами увидят и своим глазам тоже не поверят. Так уж человек устроен. Или посчитают, что их посетила белочка...

– Куда ты так спешишь?

– В погранотряд по моему адресу должен прилететь грузовой беспилотный вертолет. Я не знаю, успеет ли проснуться полковник Сорабакин. А без него и без меня принять груз будет некому, дежурный майор ничего не поймет, поскольку он не в курсе. Чего доброго, еще подьют из ПЗРК... – не удержался я от укола. – К тому же среди груза должен быть диск с инструкциями. Мне следует изучить их до того, как прибудет наша группа. Вот потому и тороплюсь, потому и делаю все бегом.

– А группа летит на таких же машинах, как у тебя? – спросил капитан заинтересованно.

– Да. Должны лететь. Десять скутеров, как я полагаю.

– Десять... – согласился Светлаков с некоторой долей самодовольства. – Мне уже сообщили, что они медленно летят в нашу сторону. Ваши скутеры засечены РЛС. Мне оттуда передали шифротелеграмму. Правда, переговоров не слышно. Должно быть, между машинами нет связи. На РЛС их приняли за беспилотники, передали данные в Москву и готовят приборы РЭБ для принудительной жесткой посадки. А жесткая посадка в наших горах – дело опасное. Какие-то меры принимать будешь?

– Не буду...

Я уже успел задать мысленный вопрос шлему, который так и не снял с головы, и шлем ответил мне, что система земной РЭБ не в состоянии воздействовать на квантовый компьютер, управляющий скутерами. Когда я летел, уже была, оказывается, попытка такого воздействия. Шлем просто не успел мне сообщить и даже не посчитал это важным. Попытка же не увенчалась успехом и закончилась легкой поломкой прибора воздействия.

– Почему? Не будет жалко группу, которая разобьется? – Капитан Светлаков расспрашивал меня с интересом.

– Я думаю, что из Москвы вот-вот придет команда «Отбой!». Там в курсе нашей миссии.

Тем не менее мне самому сильно хотелось, чтобы команда или опоздала, или вообще не пришла. Мало ли что – сбой связи... Тогда и спецназ по РЭБ, и пограничники поймут, с чем имеют дело, и оценят работу спецназа ГРУ. Хотя мне это было по большому счету безразлично. Я уже много раз сталкивался с подобными вещами.

Впервые это произошло, когда некий громила-омоновец пытался мне доказать, что ОМОН – это сила, а спецназ ГРУ – это так, армия, и не больше... Этого громилу потом пришлось полчаса откачивать при моем непосредственном участии. Но похожие случаи повторялись регулярно, когда приходилось сталкиваться с теми, кто имеет усиленную боевую подготовку. Усиленная боевая подготовка все же весьма далека от подготовки спецназа ГРУ.

Особенно пытался на словах доказать свое превосходство офицер спецназа ВДВ. И даже то, что я сам отправлял из своего взвода солдат, которые у нас не справляются с физическими нагрузками, дослуживать как раз в спецназ ВДВ, не было аргументом. Дело было накануне преследования сильной банды дагестанских террористов и последующего боя. В итоге преследования взвод спецназа ВДВ добрался до места встречи в горах с часовым опозданием. И нам пришлось дожидаться десантуру.

А итоги боя показали еще один убедительный результат. У меня во взводе только одному солдату порвало осколком обшивку бронезиления, а во взводе спецназа ВДВ были один убитый сержант и трое раненых солдат. И это при том, что мы в равных условиях выполняли схожую задачу.

А пограничники, сколько я сталкивался с ними, всегда считают свои зеленые погоны признаком небывалого и неукротимого боевого духа. И все это отчетливо читалось в глазах капитана Светлакова. Гордость за свой род войск – дело полезное, здесь я даже возражать не стану. Плохо только, когда эта гордость идет в ущерб общему делу. А слова «спецназ ГРУ» для многих, к сожалению, являются своего рода красной тряпкой. Раздражают и вызывают желание доказать собственное превосходство.

– А если команда из Москвы опоздает? – Капитан Светлаков выдерживал свою линию поведения.

– Тем хуже для средств РЭБ. Они только покажут свою бесполезность в данном вопросе.

– То есть ты, старлей, считаешь, что РЭБ – это сказки для малолетних детишек?

– Капитан, – высказал я с укором, – как ты думаешь, заряжаемые ядрами пушки начала девятнадцатого века, даже если ими будет командовать талантливый артиллерийский офицер Наполеон Буонапарте, смогут противостоять современной реактивной артиллерии?

– К чему такое сравнение? Глупый вопрос, я считаю.

– Я тоже считаю, что глупо противопоставлять простейшие компьютерные системы РЭБ квантовым киберкомпьютерам, которые управляют скутерами. Скутер даже плюнуть в сторону средств РЭБ постесняется... Но я категорично посоветовал бы тебе срочно связаться с командиром РЛС и сообщить ему, что в случае атаки их РЭБ на скутера сами скутера смогут вывести из строя не только средства РЭБ, но и всю систему РЛС. Причем сделают это основательно. Не скоро удастся восстановить.

Последнее я добавил по подсказке шлема. На Светлакова мой тон, видимо, подействовал, он обратился к одному из сержантов:

– Свяжись и предупреди. Результат доложишь мне по связи.

И тут же с некоторой гордостью поправил нагрудный карман своей «разгрузки», откуда торчала, не прикрытая клапаном, антенна переговорного устройства.

Уже одни только эти средства связи говорили о том, какая существенная разница наблюдается между обладателями шлемов и нашими войсками. Воевать против армии ктархов нашему миру пока явно не по силам. И хорошо, что ктархи настроены миролюбиво. И даже шлемы от экипировки «Ратник», в которые интегрированы и наушники, и микрофон, в сравнение со шлемами ктархов не шли. Мы, правда, сначала пытались вставить наушники и микрофоны в шлемы ктархов, но потом научились обходиться без них.

Моя мысль, только что прозвучавшая в голове, тут же нашла подтверждение. Видимо, беспилотные скутеры справились с работой по дезактивации кристаллических гребней – появилась связь с группой майора Медведя. Или группа уже перелетела через гребень. Майор сам объявил о наличии связи:

– Хорошо, Троица, что ты предупредил нас о РЭБ. Я запросил свой шлем. Он говорит то же самое, что и ты. Я продублирую приказ через Москву. А то поломаем их основательно. А это же прикрытие границы...

Я кивнул, соглашаясь, чтобы не говорить ничего вслух. При этом не знал, сумеет ли майор Медведь со своим шлемом разобрать мои мысли так, как разбирает их мой командирский шлем, и понимая, что мой кивок вообще к нему может не дойти. А разговоры с кем-то без привычных пограничникам средств связи могут натолкнуть капитана Светлакова на мысль о возможности вызова санитаров из психушки.

– Ну что, капитан, я опять тороплю тебя. Пойдем смотреть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.